

От автора

Одна из главных притягательных черт художественной литературы — ее способность раскрыть тайны внутреннего мира человека, выразить душевные движения так точно и ярко, как этого не сделать человеку в повседневной, обычной жизни. В психологизме один из секретов долгой исторической жизни литературы прошлого: говоря о душе человека, она говорит с каждым читателем о нем самом.

Русская классическая литература достигла в изображении внутреннего мира человека высочайших художественных вершин. Имена Лермонтова, Тургенева, Толстого, Достоевского — это имена крупнейших, гениальных писателей-психологов, равных которым не так уж много в мировой литературе.

Как правило, с этими и другими шедеврами русской психологической прозы человек впервые знакомится подростком, когда жизненный опыт и возрастные особенности восприятия еще не позволяют ему в полной мере постичь глубокий психологический смысл, заключенный в шедеврах русской классики. Старшекласснику здесь во многом может и должен помочь учитель-словесник, студенту — преподаватель вуза, а им, в свою очередь, хочет помочь автор этой книги.

В первом разделе читатель найдет общие сведения о психологизме как свойстве художественной литературы, здесь рассматриваются вопросы психологического мастерства писателя, места психологизма в литературном произведении, его особой содержательной роли; кратко освещаются основные этапы развития психологизма в мировой литературе. Второй раздел посвящен анализу своеобразия психологического стиля

в произведениях крупнейших мастеров психологизма — Лермонтова, Тургенева, Чернышевского, Толстого, Достоевского, Чехова.

В книге речь идет только о психологизме в произведениях эпического, повествовательного рода. В лирике и драме психологизм, в силу родовой природы, имеет специфические особенности существования и развития и должен рассматриваться отдельно.

I

**ИНСТРУМЕНТ
ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЯ**

Что такое «писатель-психолог»?

Ответить на этот вопрос не так просто, как кажется на первый взгляд. Быть психологом — значит понимать человеческую душу, проникать в скрытые мотивы поступков, словом — изучать человека. Но какой же писатель лишен этого качества? Между тем некоторых писателей — таких, как Лермонтов, Толстой, Достоевский, — мы особенно часто называем *психологами*, указывая тем самым на отличительную особенность их таланта. При этом, следовательно, подразумевается и наличие «писателей-непсихологов», то есть тех, кто менее склонен изображать внутренний мир личности, чье внимание сосредоточено на иных сторонах человеческой жизни.

Итак, мы с самого начала сталкиваемся с двумя значениями слова *психологизм* — широким и узким*. В широком смысле под психологизмом подразумевается всеобщее свойство искусства, заключающееся в воспроизведении человеческой жизни, в изображении человеческих характеров. Отражая и художественно осваивая социальную, общественную характерность жизни людей, искусство и, в частности, литература создают не только общественные, но прежде всего психологические типы. В искусстве социальное как бы превращается в психологическое, воплощается в нем, получает через него свое выражение. Искусство познает социальные явления через явления психологические.

* На самом деле этих значений больше, и проблема «психология и литература» чрезвычайно многогранна. О некоторых интересных ее аспектах, не вошедших в настоящую книгу, можно узнать из следующих работ: Бурсов Б.И. Личность Достоевского. — Л., 1979; Выготский Л.С. Психология искусства. — М., 1968; Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. — М., 1977.

Воссоздавая тот или иной характер, стержнем которого является прежде всего некая социальная определенность, писатель воплощает его в персонаже, создает как бы новую индивидуальность, личность, обладающую неповторимыми особенностями. Совокупность устойчивых черт личности — реальной или вымышенной — называется в научной психологии и обыденной речи *характером*. Характер — это, безусловно, явление психологическое. Видимо, благодаря этому слова *психология* и *характер* сблизились и стали синонимами или почти синонимами.

В таком значении слово *психология* проникло и в литературоведческий обиход: так, часто говорят, что Лесков изобразил психологию русского человека и т.п., хотя терминологически гораздо точнее говорить здесь о характере — как воплощении главных, устойчивых черт явления в их индивидуальной конкретности. В других гуманитарных науках такое употребление слова *психология* не вызывает недоразумений и путаницы, а в литературоведении оно ведет к неразличению общих и специфических свойств литературы; ведь если писатель всегда изображает в своих произведениях «психологию» героев, то есть создает характеры, типы, то это вроде бы и есть художественный психологизм, и, таким образом, все искусство, вся литература психологичны.

А между тем за термином *психологизм* в литературоведении прочно закрепилось другое, более узкое значение, согласно которому психологизм является свойством, характерным не для всего искусства и не для всей литературы, а лишь для определенной их части*. При этом подчеркивается, что «писатели-психологи» изображают внутренний мир человека особенно ярко, живо и подробно, достигают особой глубины в его художественном освоении. Вот об этом специфическом свойстве некоторых писателей и литературных произведений в дальнейшем и пойдет речь.

* См., например: Бочаров С.Г. Психологическое раскрытие характеров в русской классической литературе и творчество Горького // Социалистический реализм и классическое наследие: сб. ст. — М., 1960.

Необходимо сразу же сказать, что отсутствие в том или ином произведении психологизма в этом узком и точном значении слова не недостаток и не достоинство, а объективное свойство. Просто в литературе существуют *психологический* и *непсихологический* способы художественного освоения реальности, и они равнозначны с эстетической точки зрения. Иными словами, нельзя спрашивать, какой писатель лучше — психолог или непсихолог; они просто разные, обладающие несходными творческими манерами, каждая из которых интересна и ценна сама по себе. К такому выводу приводит нас исследование психологизма в научной литературе последних 25—30 лет. В литературоведении же конца 50-х — начала 60-х годов, когда категория психологизма только еще начинала осваиваться, часто происходило смешение широкого и узкого понятий психологизма; ошибки этого периода поучительны и, к сожалению, иногда сохраняются в сегодняшней практике преподавания, поэтому мы остановимся на них подробнее.

В некоторых работах того времени происходило иногда неоправданное принижение той литературы, в которой отсутствовал психологизм в узком смысле. Это случалось, конечно, неумышленно и неосознанно, чаще всего — как следствие смешения понятий, когда психологизм одновременно понимается и как всеобщее свойство литературы, состоящее в воспроизведении человеческих характеров, и как изображение в художественном произведении внутреннего мира героев. Наличие психологизма объявлялось критерием художественности произведения: «Есть... область, без раскрытия которой существо человеческое в художественном произведении *не будет жить полной жизнью*: это сфера чувств, внутренний мир героев во всем его своеобразии, глубоко различный у каждого из них»* (курсив мой. — A.E.).

Что здесь имеется в виду? Очевидно, тот развитый и богатый психологизм, который мы наблюдаем в творчестве Л. Толстого, Достоевского, Флобера... Но тогда получается, что либо в творчестве, скажем, Рабле или Гоголя присутствует психологизм, только «похуже», чем у Толстого или Достоевского, либо у этих писателей психологизма нет вообще

* Мышковская Л.М. Мастерство Л.Н. Толстого. — М., 1958. — С. 5—6.

(и это действительно так!) и, по логике исследователя, их герои не живут «полной жизнью» (что вовсе не соответствует действительности). В общем, согласно этой логике, произведения писателей типа Гоголя или Рабле в любом случае оказываются по эстетическим достоинствам ниже произведений признанных писателей-психологов.

Такое суждение могло возникнуть только потому, что под термином *психологизм* смешались два разных понятия и явления: широкое, универсальное, свойственное всей литературе, и узкое, специальное, характеризующее лишь какую-то часть (пусть даже очень значительную) художественных произведений.

Смешение понятий и, что еще опаснее, незаметный переход от одного значения термина к другому и обратно в ходе исследования характерен и для работы Т.С. Карловой «Вопросы психологического анализа в наследии Л.Н. Толстого», в целом очень серьезной и ценной своими наблюдениями и выводами. Наличие психологизма («психологического анализа», в терминологии Т.С. Карловой) и здесь признается критерием художественности, но в дальнейшем анализе — «Илиады» Гомера — автор доказывает, что в этой поэме психологизма еще не было*. В таком случае одно из двух: либо «Илиада» — произведение малохудожественное, либо налицо противоречие. А противоречие здесь в том, что в первом случае под психологизмом понималось явление универсальное, а во втором — специфическое. По ходу работы фактически произошла подмена значения и смысла.

Надо сказать, что смешение понятий мешает и углубленному изучению психологизма как самостоятельного и качественно определенного явления. Подсознательное убеждение исследователей в том, что все без исключения писатели были в той или иной мере «психологами», не позволяет сравнивать психологизм с непсихологической манерой письма. А раз такое сравнение отсутствует, то мы лишаемся элементарной начальной точки отсчета, не можем произвести даже первой операции, необходимой при исследовании любого объекта: сопоставить

* См.: Карлова Т.С. Вопросы психологического анализа в наследии Л.Н. Толстого. — Казань, 1959. — С. 37.

психологизм с тем, что не есть психологизм, — не говоря уже о том, чтобы выявить и изучить закономерности его возникновения, бытования, функций и места в структуре литературного произведения. Нам остается в таком случае лишь эмпирически изучать своеобразие психологизма в творчестве того или иного писателя (что и делается более или менее успешно) и отказаться от попыток осмыслить это явление с теоретической точки зрения.

Таким образом, установление понятийной и терминологической однозначности является безусловно необходимым.

Это хорошо понимал еще Чернышевский. Для него наличие психологизма в художественном произведении является критерием художественности, но критерием не универсальным. Ученый очень осторожен в этом вопросе: «Психологический анализ есть едва ли не самое существенное из качеств, дающих силу творческому таланту»*, но психологизм лишь в том случае является достоинством художественного произведения, когда он в этом произведении внутренне необходим. В вопросе об эстетических достоинствах Чернышевский оперирует более надежным и универсальным критерием — критерием *соответствия формы и содержания*: «Однажды написав “Метель”, которая вся состоит из ряда подобных внутренних сцен, он (Толстой. — A.E.) в другой раз написал “Записки маркера”, в которых нет ни одной такой сцены, потому что их не требовалось по идеи рассказа»**. Из этого высказывания ясно, что Чернышевский отдает себе отчет в существовании непсихологического принципа письма и признает его самостоятельную эстетическую ценность.

Кстати, несколько выше Чернышевский отмечает отсутствие психологизма в «описании быта и привычек большого барина старых времен в начале... повести “Дубровский” Пушкина» и говорит при этом, что «трудно найти в русской литературе более живую и точную картину,

* Чернышевский Н.Г. Детство и отрочество. Военные рассказы графа Л.Н. Толстого // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. — М., 1947. — Т. 3. — С. 425.

** Там же. — С. 425.

чем это описание»*. В другой своей статье — «Не начало ли перемены?» — Чернышевский почти то же самое пишет об очерках Н. Успенского: в них мы не найдем психологического анализа, но ни содержательной, ни эстетической ценности они от этого не теряют, привлекая читателя другими достоинствами, прежде всего точным и правдивым описанием крестьянской жизни и быта — «правдой о народе без всяких прикрас»**.

Все это говорит о том, что Чернышевский весьма тонко и гибко подходил к вопросу о психологизме как эстетическом критерии.

Чего же мы вправе ждать от писателя-психолога, в чем состоит своеобразие психологизма как эстетического свойства? Некоторые исследователи полагают, что психологизм — это такое изображение человека в литературе, при котором характер понимается автором как «живая целостность». В характере в этом случае раскрываются его различные, иногда противоречавшие друг другу грани, он предстает не однолинейным, а многоплановым. По сути дела, такой подход восходит к известной мысли Пушкина, что в искусстве необходимо различать «типы такой-то страсти» и «существа живые»; как пример первых он приводит характеры Мольера, вторых — Шекспира***.

Одновременно в понятие психологизма включается обычно и глубокое изображение собственно внутреннего мира человека, то есть его мыслей, переживаний, желаний. Понимание характера как сложного и многостороннего единства и изображение внутреннего мира персонажа выступают здесь как два аспекта, две грани психологизма.

Но, по-видимому, речь здесь идет о двух разных, хотя и взаимосвязанных явлениях. Разумеется, то, как понимает писатель структуру человеческой индивидуальности, во многом влияет и на само наличие психологического изображения в художественном произведении, и на конкретные особенности этого изображения. Тем не менее

* Чернышевский Н.Г. Детство и отрочество. Военные рассказы графа Л.Н. Толстого // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. — М., 1947. — Т. 3. — С. 422, 425.

** Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. — М., 1950. — Т. 7. — С. 856—857.

*** Пушкин Л. С. Полн. собр. соч. — М.; Л., 1949. — Т. 12. — С. 159—160.

между принципами характерологии и наличием или отсутствием психологического изображения нет необходимой, жесткой связи. Вполне можно изображать психологически — то есть через особенности мыслей и переживаний — личность, которой владеет «одна, но пламенная страсть». Так изображены, например, герои баллад Жуковского, Гёте и Шиллера, романтических поэм Байрона, Пушкина, Лермонтова.

И наоборот — вполне «живые», не однолинейные индивидуальности могут воссоздаваться в литературе и без применения психологического изображения. Таков, например, пушкинский Пугачев в «Капитанской дочке», чей характер создан совершенно по типу шекспировских «живых существ», которые так привлекали Пушкина. Пугачев не только, скажем, жесток, — он и справедлив, и хитер, и добр, и наивен, и любопытен. Между тем по ходу повествования мы нигде не сталкиваемся с прямым изображением внутреннего мира Пугачева, не имеем возможности проследить детально ту мыслительную и эмоциональную работу, которая происходит в его душе. Обо всех чертах многогранного характера Пугачева мы узнаем единственно из его действий и поступков: этого оказывается вполне достаточно, чтобы художественно воспроизвести живую, полнокровную личность.

Таким образом, понимание писателем структуры личности и изображение литературного персонажа с помощью непосредственного показа его эмоций и размышлений — это явления, характеризующие разные стороны художественного произведения. Первое (подход к личности как к многогрannому целому) относится к одной из сторон творческого метода, то есть принципа художественного отражения действительности, и указывает на его реалистичность. Изображение же внутреннего мира человека — психологизм в собственном смысле слова — представляет собой способ построения образа, способ воспроизведения и осмысливания того или иного жизненного характера; такой психологизм принадлежит к области формы, характеризует стиль, стилевое своеобразие произведения.

Иногда мастерство писателя-психолога видится в его способности изображать психические явления так, как они протекают в реальной жизни, в соответствии с закономерностями, установленными психологией

как наукой. Так, например, великий русский физиолог и психолог И.М. Сеченов (не занимаясь специально проблемой литературного психологизма) отметил это свойство литературы: «Подчиненность человеческих действий определенным законам очень резко выказывается еще в нашей способности создавать художественные типы самых разнообразных характеров. Типы эти оттого именно и кажутся истинными, правдивыми, что все их действия строго вытекают из данных их характера, из условий среды и проч.»*. Это свойство литературы удобно обозначить термином *психологическая достоверность*.

Но сразу надо сказать, что такое положение, когда писатель изображает психические процессы в соответствии с научно установленными закономерностями, в целом в истории мировой литературы является случаем довольно редким. Главное же в том, что изображение внутреннего мира, приближающееся к научному познанию психологических закономерностей, является для литературы не самоцелью, а скорее побочным эффектом. Психологический анализ в творчестве писателей подчинен идеинохудожественному замыслу в создании произведения.

Поэтому и психологическая достоверность (как и психологизм в собственном смысле) может возникать в художественном произведении (если этого требует содержание и общая система стиля), а может и отсутствовать и даже сознательно нарушаться. Нарушение психологического правдоподобия как сознательный художественный прием очень характерно для творчества Щедрина. Например, в его сказке «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» мужик всячески ублажает генералов, кормит, поит их, а себе берет только одно кислое яблоко; сам же он и вьет веревку, которой генералы привязывают его, чтобы не убежал, — словом, выполняет все приказания генералов, хотя эти приказания никакой реальной силой не подкреплены. Здесь неправдоподобны не только внешние положения — неправдоподобна сама реакция мужика на события. Она невозможна в реальной жизни, ибо ни один конкретный, действительно существующий

* Сеченов И.М. Кому и как разрабатывать психологию? // Вестник Европы. — 1873. — Т. 2. — С. 550.

I. ИНСТРУМЕНТ ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЯ

человек в здравом уме не способен «сам себя высечь», среди изобилия плодов взять себе одно кислое яблоко, вить для самого себя веревку и т.п. Но какую глубину придают эти психологически неправдоподобные детали щедринскому осмыслению характера многотерпеливого мужика, всей характерности крепостнической жизни, взаимоотношений властителей и подвластных! Психологическое неправдоподобие, как и неправдоподобие внешнее, служит у Щедрина более яркому выражению социальной правды, того состояния народа, к которому его привел многовековой гнет.

По тонкому замечанию Д.С. Лихачева, «в произведении может быть свой психологический мир: не psychology отдельных действующих лиц, а общие законы psychology, подчиняющие себе всех действующих лиц, создающие “psychologicalскую среду”, *законы могут быть отличны от законов psychology, существующих в действительности*»* (курсив мой. — A.E.). Поэтому подход к литературному психологизму как к выражению психической жизни человека вполне закономерен для psychology как науки, которая в конечном счете использует литературный материал для иллюстрации своих положений, но ничего специфически литературоведческого в этом подходе еще нет.

Кроме того, для художественного изображения в любом случае характерно определенное искажение психических процессов по сравнению с тем, как они протекают в реальной действительности: «Душевная жизнь подводится здесь уже под некоторые общие представления о формах ее проявления, подчиняется некоторому замыслу, часто связанному с традиционными формами, и тем самым неизбежно принимает вид условный, не совпадающий с ее действительным, внесловесным, непосредственным содержанием. Фиксируются только некоторые ее стороны, выделенные и осознанные в процессе самонаблюдения, в результате чего душевная жизнь неизбежно подвергается некоторому искажению или стилизации»**.

* Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. — 1968. — № 8. — С. 76—77.

** Эйхенбаум Б.М. Молодой Толстой. — М., 1922. — С. 11.

Итак, под психологизмом в литературе мы будем понимать не особенности построения характеров в том или ином произведении и не наличие в нем психологической достоверности, а *художественное изображение внутреннего мира персонажей, то есть их мыслей, переживаний, желаний и т.п.*

При этом следует иметь в виду, что практически ни одно произведение не может обойтись без какой-то, пусть самой краткой и примитивной, информации о внутреннем мире действующих лиц. Следовательно, практически в каждом произведении художественной литературы мы можем найти и психологическое изображение. Однако психологизм как особое эстетическое свойство возникает далеко не всегда. О психологизме можно говорить лишь в том случае, когда психологическое изображение становится *основным способом*, с помощью которого познается изображенный характер; когда оно несет значительную содержательную нагрузку, в огромной мере раскрывая особенности тематики, проблематики и пафоса произведения; когда оно достаточно велико по объему. Как результат — психологическое изображение становится весьма изощренным, тонким и глубоким, не ограничивается общим, схематическим рисунком внутреннего состояния. Тогда и возникает в литературе собственно *психологизм*.

Одновременно возникают и особые, соответствующие художественным задачам способы освоения внутреннего мира человека. Психологическое изображение в литературе может осуществляться в нескольких основных формах. Для психологизма — в отличие от непсихологического принципа построения образа — характерны особые закономерности в сочетании и использовании этих форм.

Существуют три основные формы психологического изображения, к которым сводятся в конечном счете все конкретные приемы воспроизведения внутреннего мира. Две из этих трех форм были теоретически выделены И.В. Страховым: «Основные формы психологического анализа возможно разделить на изображение характеров “изнутри”, то есть путем художественного познания внутреннего мира действующих лиц, выражаемого при посредстве внутренней речи, образов памяти и воображения; на психологический анализ “извне”, выражющийся в

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru